

18. Кононенко В.І. Рідне слово. – К.: Богдана, 2001. – 303 с.
19. Психологія: Підручник / Ю.Л. Трофімов, В.В. Рибалка, П.А. Гончарук та ін. – К.: Либідь, 1999. – 558 с.
20. Ройзензон Л.И. К изучению диалектной фразеологии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. – М., 1970. – С. 308–322.
21. Основи психології: Підручник / За заг. ред. О.В. Киричука, В.А. Роменця. – 4-те вид., стереотип. – К.: Либідь, 1999. – 632 с.
22. Словник іншомовних слів / Уклад.: С.М. Морозов, Л.М. Шкарапута. – К.: Наукова думка, 2000. – 662 с.
23. Ильин Е.П. Психология воли. – СПб: Питер, 2000. – 288 с.
24. Грозьян Н.Ф. Фразеологічна мікросистема “Поведінка людини“ в українській мові (ідеографічний і аксіологічний аспекти): Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Дніпропетровськ, 2003. – 20 с.
25. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и культурологический аспекты. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1996. – 288 с.
26. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1981. – 296 с.
27. Петренко В.Ф. Основы психосемантики: Учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 400 с.
28. Сухарев В.А., Сухарев М.В. Психология народов и наций. – Д.: Сталкер, 1997. – 400 с.

Исаев Э.Ш*.

О ВОЗМОЖНЫХ ПУТЯХ ПРИМЕНЕНИЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО МЕТОДА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ И ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

На рубеже двух тысячелетий после больших геополитических изменений, затронувших народы и страны Западной, Центральной и Восточной Европы, актуальными становятся исследования, проводимые на стыке не только разных направлений науки о языке, но и базирующиеся на междисциплинарных связях целого ряда гуманитарных наук.

В общетеоретическом плане представляют интерес исследования общих процессов в духовной культуре народов, не ограниченных рамками той или иной сферы культуры того или иного народа. Следует отметить, что языковые данные зачастую являются главенствующими при определении парадигмы развития культуры народа. В эпоху глобализации такие исследования культурной специфики развития народа и их сопоставление с примерами другого культурного ареала, базирующиеся на данных языкового порядка, могли бы послужить основой как для моделирования единых общекультурных процессов, так и установления национальной специфики, выраженной параметрами языкового плана.

В практическом плане контрастивный анализ национально-культурных особенностей, основанный на данных сопоставительного изучения германских и славянских языков, мог бы существенно дополнить столь актуальные ныне в большинстве университетов Украины курсы по сопоставительной фонетике, лексикологии, стилистике, грамматике родного и иностранного языков.

Сопоставительный метод позволяет, как отмечает М.П. Кочерган [12], установить отношения контраста между сравниваемыми языками на всех языковых уровнях: диафония, диаморфия, диасемия, диалексия. В Украине накоплен большой опыт по комплексному изучению славянских и германских языков (А.А. Белецкий [2], И.К. Белодед [3], Л.А. Булаховский [4], Ю.А. Жлуктенко [7;8], Г.П. Ижакевич [28], А.С. Мельничук [15;16], В.М. Русановский [26], Л.И. Прокопова[24], О.Б. Ткаченко[33;34]). В настоящий момент продолжаются исследования под руководством А.Д. Беловой [1], А.А. Загнитко [9], Р.П. Зоривчак [10;11], В.Д. Калиущенко [32], В.В.Левицкого [13;14], М.А. Новиковой [18], А.Д. Петренко [20], Ю.Ф. Прадеда [22], А.Н. Приходько [23], Е.И.Стериополо [30], В.Г.Таранца [31], А.И. Чередниченко [35;36]. Использование данного опыта применительно к другим языкам видится также целесообразным и перспективным.

Основоположником сопоставительного метода в отечественном языкознании считается Е. Д. Поливанов. В статье «La perception des sons d’une langue étrangère» [21], опубликованной в 1931 г., Поливанов показал, как в разных бинарных соотношениях: русско-японских, русско-корейских, русско-китайских, а также русско-узбекских, русско-английских, русско-французских, русско-немецких каждый раз меняются «трудности» и каждый раз возникают «трудности новые».

Особенно А.А.Реформатский отмечает одно место в этой статье, где говорится о «переразложении» воспринимаемых звуков чужого языка «в фонологические воспроизведения, свойственные родному языку. Услыдав незнакомое иностранное слово... мы пытаемся найти в нем комплекс наших фонологических воспроизведений, переразложить его в фонемы, свойственные родному языку, и даже в согласии с нашими законами группировки фонем» [25].

В 1934 г. Е. Д. Поливанов напечатал написанную им еще в 1919 г. «Русскую грамматику в сопоставлении с узбекским языком», а в 1935 г. – «Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам».

А. В. Исаченко в сборнике «Вопросы преподавания русского языка в странах народной демократии» (1961) вспоминает имена В. Гумбольдта, Штейнталя, Финка и Есперсена и связывает вопросы сопоставительного метода с общей типологией языков. А. В. Исаченко утверждает, что «... сопоставлению подлежат не разрозненные и случайные языковые факты, а прежде всего системные элементы языка во всех его планах».

Заслуживает внимания статья З. Оливериуса «Обучение звуковой системе русского языка в чешской школе» [19]. Автор, исходя из «... сопоставления фонологических систем родного (в данном случае – чешского) и русского языков», утверждает, что «сопоставительная фонетика родного и русского языков

* Кандидатская диссертация по филологическим наукам защищена в Украине в 1999 году

является ключом к решению вопроса так называемого фонетического минимума».

Основные принципы лингвистической теории сопоставительного изучения языков были сформулированы А.А.Реформатским [25] и сводятся к следующим тезисам.

1. Строгое различие сравнительного и сопоставительного методов. Сравнительный метод направлен на поиск в языках общего. Сравнительный метод – это исторический метод. Его цель – реконструкция прошлых форм. Сравнительный метод должен «принципиально деиндивидуализировать исследуемые языки в поисках реконструкции протореалии». Б. А. Серебrenников объясняет различие сравнительного и сопоставительного методов следующим образом: «Сравнительная грамматика имеет особые принципы построения. В них сравнение различных родственных языков производится в целях изучения их истории, в целях реконструкции древнего облика существующих форм и звуков» [27].

Сопоставительный метод основывается на синхронии, старается установить различное, присущее каждому языку в отдельности, и должен опасаться любого схожего, так как оно стирает индивидуальное и ведет к подмене чужого своим. Последовательное определение контрастов и различий своего и чужого может и должно быть целью сопоставительного исследования языков. Сопоставительный метод характеризуется прагматичностью, он направлен в первую очередь на прикладные и практические цели, что является особенно важным в университетской образовательной системе, стремящейся сохранить определенный паритет между научным и учебно-методическим секторами работы.

2. Тезис об идиоматичности языков. Этот тезис был описан Ш. Балли [5], который сопоставив родственные французский и немецкий языки пришел не только к частным дифференциальным выводам, но и к некоторым «глобальным» обобщениям: в лексике, в грамматике, в сегментации речевой цепи, в отборе и распределении фонетических единиц. «Для сопоставительного метода близкородственные языки представляют особый интерес, – отмечает А.А.Реформатский, – так как соблазн отождествления своего и чужого там тоже «лежит на поверхности», но это именно и есть та провокационная близость, преодоление которой таит в себе большие практические трудности. Особенно это относится к таким группам языков, как славянские или тюркские» [25].

3. Тезис о системности. Язык – это система, которая управляется своими внутренними законами, и каждый язык имеет свои особые законы. Эти законы группируют языковые единицы в стройные ряды взаимосоотнесенных явлений; система падежных или глагольных форм, классы частей речи, системы консонантизма и вокализма.

«Все это в совокупности образует структурную модель языка, распределенную на ряд систем и подсистем, расчлененных и одновременно связанных друг с другом многими отношениями. Вне этих отношений любой факт, будь то слово, форма или звук, – еще не факт языка, как кирпич сам по себе вне своего места в стройке – еще не часть здания, а только строительный материал. Становятся эти элементы фактами языка лишь тогда, когда они подчиняются той или иной действующей в данном языке модели, т. Е. когда они становятся членами системы».

4. Тезис о том, что сопоставление не может опираться на единичные «различия», а должно исходить из системных противопоставлений категорий и рядов. Если язык – система, то при изучении языков нельзя оперировать единичными изолированными фактами, вырывая их из системы. Факты языка – любого яруса языковой структуры – необходимо брать в тех категориях, в которых они представлены в данном языке. Тем самым должно проводиться сопоставительное изучение не фактов, а категорий своего и чужого.

В этой связи, по справедливому замечанию А.А.Реформатского[25], сомнительной представляется «теория» располагать «звуки чужого языка по степени трудности в порядке номеров». Трудны не «звуки», а отношения рядов и категорий фонологической системы чужого языка, не совпадающие с рядами и категориями фонологической системы своего языка. То, что в одном языке самостоятельные фонемы, в другом – лишь вариации той же единицы, и наоборот. Не совпадают и сильные и слабые позиции, и варьирование «тех же» фонем в слабых позициях, и результаты варьирования в отношении нейтрализации противопоставленных фонем.

5. Тезис о том, что опора сопоставления не в поисках общего, а в определении того разного, что характеризует сопоставляемые языки. Уже давно в отношении овладения иноязычным произношением многие лингвисты пришли к выводу, что для овладения другим языком надо прежде всего отказаться от своего, так как навыки своего языка приводят к искаженному восприятию схожих фактов чужого языка. Эту позицию отстаивали еще Е. Д. Поливанов и Л. В. Щерба.

3. Оливерюс писал: «Обучение иностранному языку всегда начинается с констатации соблазнительного тождества элементов родного и изучаемого иностранного языка...» И далее: «Чешские слова или предложения... возвращают учащегося очень быстро в сферу родного языка и мешают усвоению русского произношения» [19]. Следствием таких тождеств является «акцент» не только на фонологическом уровне, но и на лексическом и грамматическом.

6. Тезис, определяющий противопоставление своего чужому не вообще, а лишь в двустороннем (бинарном) сопоставлении системы своего языка и данного чужого.

Данный тезис является логическим выводом из положения об идиоматичности языков и из тезиса о системности языка. Трудности при усвоении данного языка носителями различных языков различны, и они выявляются лишь в двустороннем (бинарном) сопоставлении. И преодоление этих трудностей будет различным для носителей различных языков, и план обучения и порядок обучения должен исходить из данного бинарного соотношения систем языков, и он обязательно будет различным в зависимости от того, какие языки вошли в сопоставляемую пару.

В лексическом плане классическим примером может служить пример, приведенный впервые Ф. де

Соссюром в его «Курсе общей лингвистики», и цитируемый далее в бесчисленном количестве работ – сопоставление одного французского слова «mouton» и двух его соответствий в английском: «sheep» ‘баран’ и «mutton» ‘баранина’. Этот ряд можно продолжить: парам глаголов немецкого языка «kennen» - «wissen» в русском языке соответствует один «знать», «treffen» - «begegnen» - «встретить». Прилагательным английского языка «blue» и немецкого «blau» в русском соответствуют два варианта – «синий» и «голубой».

В аспекте грамматики можно привести пример отсутствия категории рода в английском и тюркских языках, наличие двух родов во французском и трех родов в немецком. Особого внимания заслуживает контраст в двух языках германской группы – немецком и английском.

На фонетическом уровне обращает на себя внимание, например, оглушение конечных звонких согласных в немецком языке “und” - [u n t], Klub – [k l u p] и непременное требование произнесения звонкого согласного в аналогичных случаях в английском языке “and” – [ɛ n d], “club” – [k l a b].

Основные положения теории Е.Д.Поливанова и А.А.Реформатского о сопоставительном изучении языков базировались, главным образом, на бинарном сопоставлении русского (родного) языка и других иностранных языков. Впоследствии они были развиты в отечественном языкознании в плане сопоставительного изучения русского (языка межнационального общения) и языков народов СССР.

Будущее теории сопоставительного изучения языков, на наш взгляд, напрямую связано с привлечением социолингвистического и лингвокультурологического аспектов. В задачи сопоставительного изучения языков должна входить не только простая констатация характерных отличий лингвистического плана (что является вполне традиционным), но и поиск ответа на вопрос о возможных лингвокультурных причинах зафиксированных отличий.

Литература

1. Белова А.Д. Лингвистические аспекты аргументации. – К., 2003. – 304с.
2. Білецький А.О. Основні методи дослідження в сучасному мовознавстві // Методологічні питання мовознавства. – К., 1966.
3. Білодід І.К. Про порівняльну стилістику слов'янських мов // Теоретичні проблеми лінгвістичної стилістики. – К., 1972.
4. Булаховський Л.А. Виникнення української мови та її положення серед інших слов'янських мов. – К., 1948.
5. Vallу Ch. Linguistique générale et linguistique française. – P., 1950.
6. Дослідження різнорівневих одиниць романських, германських і слов'янських мов: Зб. наук. праць.- Вип. 2/ М.Г.Сенів (відп. ред.). – Донецьк, 2003. – 224 с.
7. Жлуктенко Ю.О. Мовні контакти. – К., 1966.
8. Жлуктенко Ю.О. Варианты полинациональных литературных языков (отв. ред.). – К., 1981.
9. Загнітко А.П. Теоретична граматики української мови: Синтаксис. – Донецьк, 2001. – 662 с.
10. Зорівчак Р.П. Реалія і переклад. – Львів, 1989. – 216 с.
11. Зорівчак Р.П. Із історії рецепції творчості Тараса Шевченка в англomовному світі: доробок Віри Річ // Науковий вісник Чернівецького університету. Вип. 165-166: Германська філологія. – Чернівці, 2003. – С.84-97.
12. Кочерган М.П. Загальне мовознавство. – К., 1999. – С.220.
13. Левицкий В.В. Семантика и фонетика. – Черновцы, 1973.
14. Левицкий В.В. Этимологический словарь германских языков (в 3-х томах). – Черновцы, 2002.
15. Мельничук О.С. Принципи вивчення природи мови // Методологічні питання мовознавства. – К., 1966.
16. Мельничук О.С. Мова як суспільне явище і як предмет сучасного мовознавства // Мовознавство. – 1997. – №2–3.
17. Мовні і концептуальні картини світу: Збірник наукових праць – К., 2003. – 335 с.
18. Новикова М.А. Прекрасен наш союз: Литература – переводчик – жизнь. – К., 1986. – 224 с.
19. Оливеріус З. Обучение звуковой системе русского языка в чешской школе // Рус. яз. в нац. шк. – М., 1961. – № 6. – С. 63.
20. Петренко А.Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии. – К., 1998. – 255 с.
21. Polivanov E. La perception des sons d'une langue étrangère // TCLP. 1931. P. 79 etc.
22. Прадід Ю.Ф. Фразеологічна ідеографія / НАН України, Ін-т укр. Мови. – К.; Сімф., 1997. – 252 с.
23. Приходько А.М. Складносурядне речення в сучасній німецькій мові. – Запоріжжя, 2002. – 294 с.
24. Прокопова Л.І. Вступний курс фонетики німецької мови для вузів. – К., 2003. – 104 с.
25. Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. – М., 1987. – С. 40–52.
26. Русанівський В.М. Структура лексичної і граматичної семантики. – К., 1988.
27. Серебрянников Б. А. Всякое ли сопоставление полезно? // Рус. яз. в нац. шк. – М., 1957. – № 2. – С. 10.
28. Сопоставительное исследование русского и украинского языков // Под ред. Г.П.Ижакевич. – К., 1975. – 288 с.
29. Соссюр Ф. де. Курс загальної лінгвістики. – К., 1998.
30. Стериполо Е.И. Система гласных и ее реализация в речи. Автореф. дисс... докт. филол. наук: 10.02.04. – С.-Петербург, 1995. – 36 с.
31. Таранець В.Г. Походження поняття числа і його мовної реалізації (до витоків індоєвропейської пра-мови). – Одеса, 1999. – 116 с.
32. Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах: Зб. наук. праць. – Вип. 6 / В.Д.Каліушенко (відп. ред.). – Донецьк, 2002. – 190 с.
33. Ткаченко О.Б. Деякі питання міжмовних фонетичних контактів // Філософські питання мовознавства. – К., 1972. – С.172–193.

34. Ткаченко О.Б. По следам исчезнувших языков. – Ньиредьхаза, 2002.– 300 с.
 35. Чередниченко А.И. Язык и общество в развивающихся странах Африки: Проблемы функционирования западноевропейского языка. – К., 1983.
 36. Чередниченко О.І. Об'єднана функція мови // Мовні і концептуальні картини світу. – К., 2003.– С.3–7.
 37. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в школе. – М., 1974. – С.52.

Масаев М.В.*
К СТОЛЕТИЮ ОРГАНИЗАЦИИ, НАЧАВШЕЙ ПЕРВУЮ РУССКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ
(аналитические размышления)

«Я не думаю, чтобы революционеры имели бы большое значение. Их бояться нечего. Я опасуюсь рабочего движения. Пока что у нас два вида рабочей организации – зубатовская, которая всецело в руках полиции, и гапоновская, которая полицию тщательно избегает» [6, с. 73].

В. К. Плеве, министр внутренних дел Российской империи

Актуальность исследования. Тот факт, что первую русскую революцию начали не большевики, не меньшевики, не эсеры и то, что к началу революции не имеют никакого отношения их лидеры, ни В. И. Ленин (Ульянов), ни Г. В. Плеханов, ни Л. Д. Троцкий (Бронштейн), ни Ю. О. Мартов (Цедербаум), ни Б. В. Савинков, ни А. Ф. Керенский – знают все.

Но всё-таки, кто же её начал? Все знают, что революция началась 9 января 1905 года кровавым воскресеньем в Санкт-Петербурге, и события эти связывают с личностью «provokatora попа Гапона».

Священника Георгия Аполлоновича Гапона считают provokatorом царской охраны и персонала к девятому тому Полного собрания сочинений В. И. Ленина [1, с. 515], и Советский энциклопедический словарь [2, с. 275]. Вот только сам В. И. Ленин на этот счёт засомневался и доказал обоснованность своих сомнений в статье под названием «Поп Гапон» [3, с. 210-211]. В. И. Ленин вообще относился к Г. А. Гапону с симпатией и, как он сам выражался, «с удовольствием» перепечатывал в своих статьях его воззвания [4, с. 279]. «Provokacionными» считает действия Г. А. Гапона и автор значительного труда «Великороссия: жизненный путь», бывший научный сотрудник Государственного исторического музея, протоиерей Русской Православной Церкви Заграницей Лев Лебедев [5, с. 421-423].

На вопрос, provokator ли священник Г. А. Гапон, попытается ответить и эта статья. И в ответе этом будет то, о чём ещё никто и нигде не писал. Но новизна материала и актуальность настоящей статьи прежде всего в оценке организации, столетие которой посвящена эта статья.

Организация, которая вывела 9 января 1905 г. на улицы Петербурга до 300 тысяч человек [5, с. 423] и тем самым начала первую русскую революцию, называлась Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга. Возглавлял её священник Георгий Гапон, и создана она была 11 апреля 1904 года, как об этом утверждал сам её создатель Г. А. Гапон в своей книге «История моей жизни», изданной белоэмигрантами в 1925 г. в Берлине [6, с. 69]. Сама по себе эта дата – новость для историков постсоветского пространства, ибо они считали, что организация существовала с 1903 года [1, с. 515; 2, с. 275; 7, с. 275; 8, с. 1225].

И не случайно не боявшийся «революционеров В. К. Плеве боялся рабочего движения. Именно оно начало первую русскую революцию. А в рабочем движении он боялся именно гапоновской организации. Бояться «зубатовской» организации «полицейского социализма» было нечего, а других массовых рабочих организаций в России не было.

Официальная точка зрения состоит в том, что поп Гапон – provokator. Строго-то говоря provokatorом можно назвать любого революционера, так как он провоцирует революцию. Но, поскольку Г. А. Гапон не революционер по официальной точке зрения, то есть не provokator революции, то он может быть только provokatorом царской охраны. Были же сотрудниками царской охраны один из руководителей партии эсеров Евно Азеф, интересную книгу о котором написал польский автор Коссецкий [9], и один из руководителей партии большевиков, член ЦК РСДРП, депутат 4-й Государственной думы Р. В. Малиновский.

А раз Г. А. Гапон provokator царской охраны, то его организация не может быть ничем иным как организацией «зубатовской», а «зубатовские» организации прекратили своё существование в 1903 г., плавно превратившись в организацию гапоновскую в 1903 г. Но сам Г. А. Гапон настаивает на том, что его организация появилась именно в 1904 г. [6, с. 69], т. е. через год после официального прекращения деятельности организаций «зубатовских». Конечно, что разочарованные в «зубатовщине» рабочие могли оказаться в организации Г. А. Гапона, но на этом связь «зубатовщины» с «гапоновщиной» кончалась. Г. А. Гапон постоянно дистанцирует себя от С. В. Зубатова. Действительно, С. В. Зубатов приглашал известного своей амбициозностью священника Г. А. Гапона для оживления своей умиравшей организации, что признаёт и сам Г. А. Гапон [6, с. 45], но Г. А. Гапон не собирался спасать гибнущую организацию. Жандармский

* Кандидатская диссертация по историческим наукам защищена в Украине в 2003 году